

АРХИВ. ВОСПОМИНАНИЯ

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ КОНДРАТЬЕВ — УЧЕНЫЙ И ЧЕЛОВЕК

Эссе о настоящем социальном психологе

И.В. ВАЧКОВ*,

Москва, Россия, igorvachkov@mail.ru

Он был человеком, чья жизнь может служить примером потрясающего мужества, таланта и верности самому себе. Когда перечисляются регалии — доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО — обычно возникает образ некоего благообразного старичка, предельно корректного в общении и погруженного в науку до полной неприкосновенности к реальной жизни.

Михаил Юрьевич Кондратьев абсолютно не соответствовал данному стереотипу. Да, это был настоящий ученый, но при этом наука не мешала ему жить в реальности, чувствовать и понимать под-

линную жизнь и других людей, ведь он был социальным психологом — во всех смыслах. Михаил Юрьевич был удивительным образом идентичен сам себе. Никогда и нигде, ни при каких обстоятельствах он не притворялся и не играл ролей. Всегда быть собой необычайно трудно, но ему это удавалось. Некоторые даже очень значимые люди, занимавшие высокие посты, его откровенно побаивались. В ситуации, когда в общении с важными чинами возникает альтернатива смолчать или сказать то, что думаешь, большинство людей выбирают первый вариант. Михаил Юрьевич практически всегда предпочитал второй и высказывался порой достаточно жестко. Он мог не слишком корректно общаться с людьми, которых не уважал, но при этом потрясающе деликатно относился к тем,

Для цитаты:

Вачков И.В., Донцов А.И., Дубов И.Г., Петровский В.А. Михаил Юрьевич Кондратьев — ученый и человек // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 1. С. 158–170. doi:10.17759/sps.2016070113

* *Вачков Игорь Викторович* — доктор психологических наук, профессор Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и госслужбы при Президенте РФ, Москва, Россия, igorvachkov@mail.ru

кого ценил и любил. Для него было совершенно естественным сказать подлецу все, что он о нем думает, не стесняясь в выражениях, относясь при этом крайне заботливо к друзьям и близким.

На заседаниях диссертационного совета он никогда не отмалчивался и высказывал свою позицию относительно обсуждавшихся исследований прямо и четко: если считал нечто научно не обоснованным, так и говорил. При этом, как мне кажется, он никогда не переносил своего отношения к научной работе на личность автора. Не раз, кстати, официоз научных собраний разбивался вдребезги благодаря его остроумным шуткам по поводу даже очень серьезных вещей.

Парадоксальным образом он всегда чувствовал научную конъюнктуру, и если сам не спешил ей следовать, то другим мог дать точный и мудрый совет, как поступить. Не раз и не два он говорил мне, например, кому из больших ученых или научных администраторов нужно позвонить и что сказать, чтобы решить какую-нибудь проблему (например, относительно моих аспирантов), а кого не стоит беспокоить в настоящий момент.

Как ученого Михаила Юрьевича интересовала, прежде всего, проблема межличностных отношений подростков, и не просто подростков, а тех, кого считают трудновоспитуемыми и кто оказался в закрытых учебно-воспитательных учреждениях. Будучи учеником академика А.В. Петровского и последователем его школы, он много работал над развитием идей своего учителя. При этом ему самому принадлежит много оригинальных разработок и собственных концепций. В частности, речь идет о концепции зарождения, формирования и развития авторитетности в группе. Получило за-

служенную известность в научно-психологическом мире открытие им феномена «нисходящей слепоты», который отражает особенности зависимости характера межличностного восприятия в группах от положения субъектов взаимодействия во внутригрупповой статусной иерархии. Он страстно любил социальную психологию и не раз говорил, что именно социальная психология определяет психологическую науку и жизнь человека в целом, ведь человек начинается со встречи с другим, а это и есть социальная психология.

Его научные заслуги были высоко оценены профессиональным сообществом: его избрали в Российскую академию образования, дважды он становился членом Экспертного совета ВАК, был награжден медалью К.Д. Ушинского. Стал он и Лауреатом Премии Президента РФ в области образования.

Шестнадцать лет в качестве декана факультета социальной психологии МГППУ Михаил Юрьевич строил систему подготовки социальных психологов в новых условиях. Одновременно разрабатывал авторские курсы дисциплин («Психология отношений межличностной значимости», «Авторитет власти и власть авторитета» и другие), руководил магистерской программой «Социальная психология». Круг его занятий был огромен. Тем удивительней, как он находил время для вещей, вроде бы не обязательных, но важных по каким-то причинам для него. Приведу пример. В научных кругах принято дарить коллегам свои новые книги. Люди благодарят, но опыт показывает, редко кто потом пролистнет хоть несколько страниц. Михаил Юрьевич поступал совершенно иначе: он очень внимательно все читал. Как-то я подарил ему свою книжку по

сказкотерапии. Через пару-тройку дней он позвонил мне и попросил почитать написанную им рецензию. Эта рецензия оказалась довольно обширным — на несколько страниц — текстом, в котором Михаил Юрьевич выдвинул совсем нетривиальные идеи относительно социально-психологических аспектов сказкотерапии и содержания книги.

И при этом жить в экзистенциальной ситуации — это про него. И экзистенциальная ситуация была для Михаила Юрьевича не сиюминутными обстоятельствами, она продолжалась десятилетиями — с начала девяностых годов прошлого века, когда ему сделали шунтирование сосудов сердца, и до последнего мгновения его жизни, прервавшейся в мае 2015 года. Все это время он

шел по краю, по границе, возле той черты, за которой небытие. Но несмотря на это (а может, благодаря этому), он жил полноценной, предельно насыщенной жизнью, в которой хватало места и научным исследованиям, и деканской работе, и написанию книг, и шумным посиделкам с друзьями, и трогательной заботе о близких.

Даже последний год жизни, ставший, видимо, тяжелейшим для него, он не прекращал работать над изданием своего журнала «Социальная психология и общество», активно встречался с друзьями и коллегами, писал книгу, которую завершил незадолго до своего ухода и которая стала прощальным приветом большого ученого, удивительного человека всем нам, психологам и непсихологам.

Мой Миша

А.И. ДОНЦОВ*,
Москва, Россия, kcp@psy.msu.ru

Скептически отношусь к «психологическим портретам»: статичны (не учитывают ртутные свойства личности), тенденциозны (фиксируют априорный набор свойств открытого наблюдателя Я), непрогностичны (игнорируют ситуационные факторы), пристрастны — особенно посмертные, смахивающие на излишне помпезные памятники. Солидарен с философом-мизантропом А.А. Зиновьевым: «...человек — на все способная тварь». Миша, я, вы, читатель, — не исключение. Не призываю к «дефектоскопии» личности: важна не всячина человеческой начинки, а замешанные на ней блюда, которыми потчуем окружающих. За долгие годы дружбы общение с Мишей было для меня не столько способом решения злободневных задач под рюмку с мизерной закуской, сколько неспешной и пышной психологической трапезой, где угощением служили мы сами. Обоюдная склонность к ненормативному взаимоподтруниванию исключала открытую благодарность за предлагаемые друг другу «яства». Пользуясь отстроченностью обратной связи, скажу, чему пытался причаститься я.

Первое и, пожалуй, главное — полная независимость и самостоятельность суждений и действий, иногда именуемые суверенностью. У Мишиной жизни и судьбы был лишь один властелин — он сам. Он не сетовал на людей и обстоятельства. Не делился ответственностью, брал ее на себя. Не боялся трудностей и перемен. Терпел, преодолевал, доби-

вался. Не унижался в поисках помощи. Не допускал насилия над собой. Не опускал рук и не унывал. Шутил над болезнями и невзгодами, не давал повода сострадать. Строил планы, приглашал к сотрудничеству. Ушел, как жил, — хозяином, непокоренным.

Если Вы, читатель, не были лично знакомы с Михаилом Юрьевичем, сказанное, вероятно, навеяло образ доминантного альфа-самца, ждущего в холодном величии покорности и подношений. Вовсе нет. Мишина мужественность была иной — участливой, дружественной, теплой. Поражало, как много сил и времени он уделял деятельной заботе о ближних: родных, друзьях, коллегах, учителях и учениках. Он тонко чувствовал, но не ковырялся в настроении собеседника, а поднимал его словом и делом. Заражал уверенным оптимизмом. Беззлобно ругал. Уместно молчал. Хохмил. И помогал, не дожидаясь просьбы. Чурался признательности, но сам о ней не забывал. Умел дружить и любить. Друзей принимал, как есть, со всеми «тараканами». Жаль, Миша, твой мудрый совет услышу теперь лишь во сне. Кстати, точность твоих диагнозов и прогнозов феноменальна. Без труда представляю, как ты уставился сейчас на меня своим лукавым глазом, прочел написанное, хмыкнул и сказал: «Заканчивай, Саня, эту фигню. Займись делом». Слушаюсь.

* *Донцов Александр Иванович* — доктор психологических наук, профессор, академик РАО, профессор кафедры социальной психологии, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, kcp@psy.msu.ru

Теперь осталось только вспоминать

И.Г. ДУБОВ*,

Москва, Россия, ignat06@mail.ru

Мы познакомились с Михаилом Юрьевичем 35 лет назад, когда никому в голову не пришло бы называть нас по имени-отчеству. Впрочем, Михаил Юрьевич уже тогда был по сравнению со мной, аспирантом первого года обучения, зрелым, выдавшим виды «матерым» мэнаэсом, способным за несколько часов написать годовой отчет лаборатории, используя для этого всего лишь полпачки сигарет. Он совершенно точно знал, что выбор в Военторге лучше, чем в гастрономе на Никитских воротах, что тару можно сдать и в «Новоарбатском», но только с задней стороны и что рюмочная в Хлыновском тупике закрывается в девять вечера. Уже тогда он стал моим бескорыстным и незаменимым поводырем по дебрям неизвестного и загадочного, открывая для меня двери в волшебные миры, требующие хорошей смекалки и быстрой реакции — качеств, которые являются важнейшими для настоящего ученого. И совершенно неважно, были ли это двери в знаменитую «Яму» или в буфет Большого театра, Михаил Юрьевич прекрасно разбирался в самых сложных коллизиях непростой жизни этих «храмов науки». Для того, кто по-настоящему хорошо знаком с глубинной сутью общественных процессов

того времени, достаточно будет узнать, что Михаил Юрьевич был прописан за первым столиком «Ямы», право на который он высоко ценил, но которым как по-настоящему скромный человек пользовался редко — лишь в тех случаях, когда в компании не было девушек.

Впрочем, всё это не мешало Михаилу Юрьевичу ставить эксперименты, ездить по конференциям и писать статьи и книги. Я хорошо помню тот священный ужас, который охватил меня, когда Михаил Юрьевич, принимая как-то очередную дозу знаний в одной из наиболее популярных в округе библиотек, между делом спросил у меня, не хочу ли я написать брошюру для общества «Знание». До этого я такие брошюры видел только издавелока и то, как правило, на стендах библиотеки, но Михаил Юрьевич поспешил развеять мои сомнения: «Я уже одну такую написал, — заявил он. — Это любой дурак сможет». После такого аргумента я понял, что сачкануть не удастся.

Я, кстати, читал потом эту брошюру, где мой друг не забыл помянуть «тихим словом» и меня. В брошюре фигурировал добродетельный пионер Игорь Д., который не боялся идти против общественного мнения хулиганов и даже однажды ночью прокрался на школьный двор, чтобы вернуть на законное место украденную и сданную в зачет классной нормы по сбору металлолома чугунную батарею. Естественно, в ответ в одной из

* *Дубов Игорь Глебович* — доктор психологических наук, Москва, Россия, ignat06@mail.ru

моих книжек о семнадцатом веке появился печатных дел мастер Мишка Кондратьев, который так любил свое печатное дело, что не спал, не ел и, главное, не пил, а только печатал и печатал. Но это уже было никому не интересно.

Так, в разнообразных занятиях проходило нескучное советское время, мы выросли, и в результате как-то очень быстро мэнээс Миша Кондратьев стал настоящим Михаилом Юрьевичем, доктором наук, профессором и членом-корреспондентом Российской Академии образования, крупнейшим российским специалистом по межличностным отношениям в малых группах, обогатившим впоследствии отечественную науку рядом великолепных статей, монографий, учебников и словарей. В немалой степени этому способствовал тот факт, что мы с ним росли под крылом одного из самых талантливых ученых прошлого века А.В. Петровского, чья высокая эрудиция в сочетании с интеллигентной доброжелательностью позволяла каждому учиться у него всему, что он знал и умел, а взамен делать то, что казалось этому каждому нужным.

К сожалению, когда А.В. Петровскому предложили пост Президента Российской Академии образования, Михаил Юрьевич был занят важным государственным делом, и руководить лабораторией выпало мне. Но в результате этой не очень справедливой, на мой взгляд, «рокировочки» в конце концов выиграл нынешний МГППУ, а тогда МГППИ. Оставив свои государственные занятия по решению продовольственной программы, Михаил Юрьевич возглавил в нем факультет социальной психологии, которым потом блестяще руководил шестнадцать лет. За это время он создал на факультете отличную материальную

базу, подобрал прекрасный преподавательский коллектив и воспитал множество поколений специалистов, работающих сейчас во всех имеющих реальное отношение к психологии учреждениях и организациях Москвы, да, впрочем, и не только Москвы.

Время от времени я встречаю этих людей, и когда мы начинаем говорить о Михаиле Юрьевиче, мало кого можно остановить. Главное, что вспоминается теми, кто работал с Михаилом Юрьевичем или учился у него, это безукоризненное чувство справедливости. Оно никогда не было формальным, соответствующим каким-то законам и нормативам. Скорее это чувство можно назвать справедливостью «по понятиям», но в рамках такой справедливости любой обиженный всегда мог рассчитывать на защиту, слабый — на помощь, а инициативный — на поддержку. И даже наказанный всегда уходил с убеждением в том, что наказание свое он получил за дело. Очень хорошо помню, как однажды я предъявил Михаилу Юрьевичу претензии, что в организованной им конференции не было близкой мне тематики. На что Михаил Юрьевич очень просто объяснил мне, что для того, чтобы такая тематика там была, надо было не строить из себя очень занятого человека, а принять предложение и войти в оргкомитет. «А ты не захотел тратить время, — сказал он. — И теперь у тебя нет **морального права**». И он был абсолютно прав.

Моральное право было важнейшей составляющей, а точнее, даже основой всех действий Михаила Юрьевича. Нынешняя жизнь делает многих людей беспринципными, а у Михаила Юрьевича всегда была своя мораль, от которой он не отступал, как бы его ни

гнули и ни ломали. Я никогда не за-видовал его врагам: Михаил Юрьевич мог «влупить» так, что «мама не горюй». Но для всех остальных он был другом и защитником, независимо от социального статуса или финансового положения нуждающегося в его поддержке человека. Он всегда верно разрешал любой спор, а его суждения о разных событиях были глубоки и безошибочны. И теперь, когда его нет

рядом с нами, я больше всего жалею о том, что не успел взять у него всего того, чем он был богат и чем щедро делился с окружающими. Раньше это вроде бы было не очень надо: если возникала проблема, можно было прийти к нему в его всегда открытый кабинет и обо всем поговорить.

Теперь же так поговорить стало не с кем. И возникло чувство неизбывной пустоты.

О Мише Кондратьеве

В.А. ПЕТРОВСКИЙ*,
 Москва, Россия, petrowskiy@mail.ru

«Расскажите о Мише — ну, например, о том, как вы играли в песочнице. Ведь вы выросли вместе...». Об этом меня попросили.

Нет, мы не выросли вместе, не играли в песочнице, у Миши была своя, у меня своя. То, что было у Миши, песочницей не назовешь. Да и у меня тоже. У меня были снежные горки, купание в снегу, игры с киношными детьми в снежки (Дима Добродеев, Лена Санаева, Шумский...), игры в казаков-разбойников, взбирание на башенные краны (с тех пор у меня высотобоязнь, преодолеваемая виртуально, в работах по бескорыстному риску). Через стенку (в другом подъезде) — жила Наташа Н., дочка академика-историка (наши ванные волнуяще сообщались, и мы иногда слышали, как суперважный папа бурно разбирался по вопросам воспитания с дочкой, неотразимо красивой девочкой, в чем-то там виноватой, что, очевидно, сказалось неизвестным мне образом на ее судьбе — она известный сейчас и почитаемый мною политолог-историк; нет человека в России, кто не слышал бы по TV ее блистательные комментарии многих текущих событий; возможно, и Наташа слышала, как моя мама разбиралась со мной). Мишина семья и наша жили на разных этажах. Петровские — на шестом, Кондратьевы — на втором, прямо под нами.

И таким образом, сквозь три квартиры, ни Миша, ни я не могли слышать, как осуществлялся процесс воспитания у соседей.

Были у нас еще и подземные игры. Дом был большой, если обойти слева, попадаешь в большой темноватый двор на актерской половине. В этом дворе — махонький серенький бетонный домик. Бомбоубежище. После карибского кризиса их появилось в Москве множество. Сейчас все заросли, взяты под замок, и как спастись, неизвестно. А тогда их только начали строить, и можно было залезть в домик сквозь небольшую дверцу, спутиться по скобкам ступенек вниз и в полной темноте проползти в подвал самого дома; впереди посвечивало из подвала, мы с облегчением поднимались из нижнего помещения вверх, снова бежали к домику, и снова были эти скобы-ступеньки, проползание, подъем, и так много-много раз подряд. Тренинг воли и бесстрашия!

Но только общей песочницы с Мишей, повторяю, у нас не было. Он играл в более опасные и бесшабашные игры... Но это уже другая история, и такие заметки для нее — «не-формат». Так что опустим

* *Петровский Вадим Артурович* — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности, ординарный профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», член-корреспондент Российской академии образования, Москва, Россия, petrowskiy@mail.ru

эти страницы, — мое имя, по счастью, не было вписано в них золотом.

Был эпизод, сыгравший роковую роль в жизни Миши. Однажды, возле выхода из метро «Аэропорт», кто-то из взрослых дядек повел себя с Мишей неосторожно. Скажем так, грубо. Попросил «салагу» закурить, а потом стал высказываться (предметно рассуждая о чьей-то матери). Кулаки у юноши-Миши были тяжелые. Дядька рухнул без чувств на асфальт (а был он чуть ли не мастер спорта по боксу в солидном весе). Последующие неприятности для Миши — в отдаленной перспективе его жизни — отразились на теме его кандидатской и докторской. Эти эпические страницы из жизни Миши мы тоже пропустим: кто знает, тот знает, а кто не знает, тому и знать незачем...

Впрочем, нет. Его автобиографические записки о пребывании в незнакомом большинству моих читателей заведении (не дай нам бог когда-нибудь туда попасть, «от суммы и от тюрьмы не зарекайся») должны быть опубликованы обязательно. Сила документального повествования у Миши превзошла стартовые ожидания талантливого юноши, туда угодившего, и достойна цитирования.

«Предшествующие дни, проведенные в КПЗ, как ни странно, казались мне тогда временем, прожитым еще на воле. Ожидание свободы ... окрашивало происходящее в какой-то даже романтический цвет, позволяя мне думать не о предстоящем заключении, одна мысль о котором казалась мне чистой воды абсурдом, а лишь о возможных вариантах моего рассказа обо всем своим знакомым».

В каком-то смысле, эта ключевая фраза раскрывает личность и жизненный опыт Миши больше, чем все мои

личные воспоминания о нем по детству. Он умел рассказывать о событиях жизни так, что участники его повествований могли узнавать себя с совершенно новых сторон, иногда даже «не узнавать», а потом принимать его рассказ за свидетельство более важное и достоверное, чем их собственные воспоминания о себе, и верить в них.

Миша, по тому времени, не был знаком с понятием «нарратив». Но слова о «возможных вариантах моего рассказа» раскрывают особую черту, характерную манеру Мишиного отношения к жизни: превращение опыта своей жизни и встреч с людьми самых разных стран и культур в каскад нарративов, каждый из которых мог бы быть открытием для любого из «действующих лиц» его талантливых повествований.

Некоторые события я, конечно, помню и так — о них напоминать не нужно (хотя детали мне бы хотелось сейчас уточнить с Мишей и Таней). Вот одно из них — памятное. Я и одна из моих близких друзей — то ли замужем за мной, то ли еще нет, здесь мне нужна подсказка, ночью сидим в гостях у Игоря Дубова и его жены, Тани. Не помню девичью фамилию Тани, но фамилию мужа сейчас она сохранила. С нами, в компании на четверых, Миша Кондратьев и его совсем новая знакомая, тоже Таня. И что-то между ними творится необычайное, к судьбам науки и будущим успехам Миши в открытии феномена «нисходящей слепоты» отношения не имеющие. Какая там «нисходящая слепота»! Наоборот, — все более восходящая в поднебесье будущей страсти зрячьась. Горят глаза — Мишины, Танины, Игоря, хозяйки дома (потому что заразительно!). Миша что-то рассказывает, повествование все более

завораживает, охмуряет присутствующих (это Миша умел!). И тут мы все понимаем, что вино и даже Мишина речь — это только начало. Рядом озеро. Ночь. Август. Вода теплая. Песок под ногой. Сбрасываем одежду. Медленно входим в воду. Луна неяркая. Жаль. Погружаемся в такое блаженство, что был бы я даже Мишей, слов не нашел, чтоб выразить. Я часто мыслями возвращаюсь туда — купель юности не совсем юных людей. Ни с какой гипотетической песочницей общего детства не сравнишь. Молодое, полное остроты чувств, купание...

Многие события я помню со слов Миши. Даже про своего отца. Например, как мой отец, будучи заведующим лабораторией психологии личности тогдашнего НИИ ОПП (общей и педагогической психологии) и, между нами, академиком АПН, работал гардеробщиком в раздевалке Института. «А что? — говорил он (так мне рассказывал Миша). — Руководство требует, чтобы в раздевалке дежурили поочередно все сотрудники лабораторий. Я, как все...» (в этот день, похоже, в Институте были какие-то высокие гости...; впрочем, подробности я не запомнил, а Миша-то, конечно, мог бы сказать точно).

Были совершенно потрясающие эпизоды, столь же неприличные, сколь и смешные. С огромными купюрами напому тем, кто слышал от Миши эту историю (попробую из пятен Роршаха вырезать бросающиеся в глаза фрагменты). Какая-то медицинская комиссия. Мишу осматривают, я бы сказал, досматривают с пристрастием. Повернитесь спиной. Снимите... (Далее говорят, как стать и что сделать), «А в комиссии, — рассказывает Миша, — с десяток девочек-медичек... И вот я стою в такой осо-

бенной позе перед ними. Откуда-то сбоку подходит пожилая докторша, ей говорят, смотрите, это Миша Кондратьев, сын Юлии Германовны (она, и вправду, по странной случайности, — приятельница моей мамы). Смотрит на меня, смотрит... (а я, как ты понимаешь, стою, положения не меняю), улыбается так хорошо и умильно нам всем: «Похож!...» И головой так кивает, кивает...»

Были и другие эпизоды, в которых Миша вел себя дерзко. В его кабинет (а в Академии РАО у него был свой кабинет) входит весьма почтенный, очень известный, действительный член Академии (первую букву фамилии называть не буду, — вычислите) и говорит что-то плохое о «шефе» (так Миша иногда называл А.В. Петровского). Миша, отнюдь не пользуясь приемами «активного слушания», без пауз, подстроек и т. п., однозначно посылает своего уважаемого посетителя к такой-то матери со словами «А теперь крууу-гом! Ать-два, ать-два...» (и тот ушел).

Иногда, мне кажется, сам того не ведая, Миша участвует в моей жизни — ну хотя бы тем, что она продолжается. Когда со мной случился инфаркт и я после больницы вернулся домой, Миша позвонил мне и сказал: «Что ж! Нашему полку прибыло. Ты вот что, Вадька, делай, как я. Всегда держи при себе лекарство. Вот представь себе, я сажусь в машину (у него был свой водитель), и мы отъезжаем от дома — неважно насколько. Тут вспоминаю, что я лекарство забыл. Разворачиваем машину и возвращаемся за лекарством. И так — ВСЕГДА!»). Именно таким образом теперь поступаю и я. Слово Мишино — запало. В моих терминах — «деятельное присутствие во мне», «отраженная субъектность». Профилактика риска.

Впрочем, сам Михаил Юрьевич к риску был более чем склонен. Помнится мне, когда он «уходил в бизнес» (впрочем, «Алитет» никогда науки всерьез не покидал), свой уход-переход прокомментировал так: «Теперь надо мной нет начальника. Только пуля» (позерства, заметим, в этих словах не было никакого, хотя красиво сказать он мог).

Из его историй обо мне самом помнится особенно про баклажан. На заре отношений Миша—Таня пришел я к ним в дом — побыть с Мишей и поддержать Таню (окружающие не все и не сразу приняли этот союз). Сидим. Закусить нечем. Я говорю: «Таня, у меня в портфеле есть кое-что, я принес, чтобы ты не возилась». Таня подходит и открывает закуску: томик Достоевского и баклажан...

Потом мы втроем сидели и пили потрфейн. Портфель я забыл в их квартире. А на мою свадьбу с Мариной Миша и Таня подарили мне тот самый потрфейл с баклажаном и Достоевским.

А еще он рассказывал мне вполне правдоподобные байки о моих опозданиях. О том, как я однажды опоздал на самолет, а затем обиженно оправдывался: «Я ведь опоздал-то всего на 3 минуты, а он улетел...».

А ссорились мы с ним трижды. За все годы — только трижды! Один раз он был неправ. Два раза — мы оба (я вызвал его тогда поговорить «один на один», по мужски, понимал, что подеремся, но он поступил со мной гуманно и мудро: как дуэлянт, выстрелил в воздух). А однажды я был неправ. Категорически неправ. Готовился очередной выпуск сборника Конференции, посвященной моему отцу. Миша замечательным образом организовал ряд конференций памяти «шефа», стипендию имени А.В. Петровского и

кабинет его имени в МГППУ. Это была подлинно сыновья забота, иначе и сказать не могу. Между «шефом» и «сотрудником» — глубинное сходство. Им обоим, теряющим зрение, был одинаково чужд открытый Кондратьевым феномен «нисходящей слепоты» (оба реагировали не на ранги людей, а на личность, независимо от их статуса в иерархии). Петровскому и Кондратьеву, в конце их жизни, было свойственно то, что можно назвать, следуя их общему пониманию, феноменом «восходящей зрячести» (в данном случае я имею в виду проницательность)...

Так вот, было так. Я задержал статью в этот сборник. Ту самую, с которой Миша хотел начать. Кондратьев звонит мне и говорит: «Я потрясен!... (так, кстати, выражал свой гнев мой отец). Как же ты мог не подготовить статью?! Это же сборник памяти. Ты должен был открывать его!» (и еще раз: «Я потрясен!»).

И эти заметки о Мише я сдаю также последним из авторов. А вдруг я опоздаю сейчас на 3 минуты?! Но такие слова, как «Я потрясен», мог бы принять только от двух человек — от отца и от Миши... О самых близких писать трудно.

Когда я анализирую, почему не мог написать сразу (что ни в коей мере меня не оправдывает), это невозможность писать о Мише *воспоминания*. Эта потеря — часть непереносимости времени, прожитого нами (некоторыми, до конца) в этом году.

Когда Миши не стало, я написал о нем в Фейсбуке:

«Миша Кондратьев — человек смелый, стойкий, прямой, живущий полной жизнью. Он боец. Он никогда никому не проигрывал. Он никогда бы не убил себя. Он и не убил себя. Он разделался со своей болезнью»

Вот еще одна моя запись в конце 2015 года:

*«Как заблудившийся на волю из чащоб
желает вырваться, так хочется **еще**.
Концы с концами не свести по смете:
Что не сойдется — то и на бессмертье.
Необходим, когда закончен путь,
избыток жизни, чтоб перешагнуть.*

*Странное ощущение происходящего.
Вспоминаются ушедшие. Знакомые лично
и не знакомые лично. Известные всем,
кто эти строки читает. И не известные.*

Разных возрастов. Мой папа (это случилось в декабре, 9 лет назад), Владимир Петрович Зинченко, Владимир Михайлович Мунитов, Леонид Абрамович Венгер, Лариса Андреевна Петровская, Галина Михайловна Андреева, Алла Смирнова, Паша Медведев, Надя Габерланд, Адик Хараш, Алексей Алексеевич Леонтьев, Галина Иванченко, Саша Ерофеев, Эльдар Рязанов, Миша Кондратьев.

*Всех объединяла одна общая черта.
Избыток жизни».*

Mikhail Kondratyev: The Scientist and the Man

I.V. VACHKOV*,
Moscow, Russia, igorvachkov@mail.ru

A.I. DONTSOV**,
Moscow, Russia, kcp@psy.msu.ru

I.G. DUBOV***,
Moscow, Russia, ignat06@mail.ru

V.A. PETROVSKIY****,
Moscow, Russia, petrowskiy@mail.ru

Russian psychologists share their memories of Mikhail Yuryevich Kondratyev. He is remembered as the scientist and the man in a series of essays written by I.V. Vachkov (“Story of a Real Social Psychologist”), A.I. Dontsov (“My Misha”), I.G. Dubov (“The Only Thing is to Remember”), and V.A. Petrovsky (“About Misha Kondratyev”).

For citation:

Vachkov I.V., Dontsov A.I., Dubov I.G., Petrovskiy V.A. Mikhail Kondratyev: The Scientist and the Man. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2016. Vol 7, no. 1, pp. 158–170. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2016070113

* Vachkov Igor V. — Doctor in Psychology, professor, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia, igorvachkov@mail.ru

** Dontsov A.I. — Doctor in Psychology, professor, academician of the Russian Academy of Education, professor, Department of Social Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, kcp@psy.msu.ru

*** Dubov Igor G. — Doctor in Psychology, Moscow, Russia, ignat06@mail.ru

**** Petrovskiy Vadim A. — Doctor in Psychology, corresponding member of the Russian Academy of Education, professor, Personality Psychology Chair, ordinary professor, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, petrowskiy@mail.ru